© 2014 г.

И. А. Ладынин

«АЛТАРЬ» ИЗ ХРАМА АМОНА В ОАЗИСЕ БАХАРИЯ С ЕГИПЕТСКОЙ ЦАРСКОЙ ТИТУЛАТУРОЙ АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКОГО. II. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ И ДАТИРОВКА

Статья представляет собой вторую часть исследования, посвященного памятнику с египетской царской титулатурой Александра Великого, который был найден в храме Амона в оазисе Бахария. Есть основания думать, что, вопреки мнениям прежних исследователей этого памятника, он был возведен не в царствование Александра, а при первых Птолемеях, в рамках идеологических тенденций этого времени.

Ключевые слова: Александр Великий, Бахария, титулатура, преемственность, Ахемениды, Птолемеи, идеология.

В заключении первой части нашего исследования, посвященного памятнику из храма Амона в Каср эль-Мегисба (оазис Бахария) с египетской царской титулатурой Александра Великого (ВДИ. 2014. № 2, 3–12), указывалось, что ключевое значение для его интерпретации будет иметь его датировка. Отнесение святилища в Каср эль-Мегисба, где был обнаружен данный памятник, ко времени Александра Великого не вызывало сомнений у открывшего его А. Фахри и перешло в другие работы[1]. Подобная датировка святилища *в целом* не вызывает прямых возражений (в ее пользу говорят, в частности, «солнечное» и личное имена Александра на задней стене часовни, достаточно хорошо соотносящиеся с его титулатурами на египетских памятниках его времени[2]); однако

Ладынин Иван Андреевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

[1] См. наши ссылки на публикации А. Фахри (прим. 11 и далее – Ладынин 2014, 4–5), а также, например, Guermeur 2005, 433–434; Winter 2006, 207, Anm. 31 (по мнению Э. Винтера, храм в Бахарии был заложен Александром на обратном пути из оазиса Сива; сам же «алтарь» он квалифицирует как «уникальное свидетельство религиозно-политической концепции Александра или, по крайней мере, тогдашнего египетского жречества»); Hirzbauer 2011, 49.

[2] Столбец между двумя ритуальными сценами, содержащий эти имена, выглядит, согласно А. Фахри, следующим образом: (Fakhry 1950, 45). Начальные знаки столбца интерпретируются с трудом; на наш взгляд, нельзя исключить ошибки Фахри в их воспроизведении, но если верно его предположение о том, что сочетание знаков соответствует имени бога *Ỉmn*, то вряд ли начало

автоматическое распространение этой же датировки и на рассматриваемый нами памятник не столь очевидно. Датировки данного памятника временем Александра придерживается и его публикатор Ф. Боск-Пуче, который счел необходимым ее обосновать: не выделив необходимых для этого палеографических признаков в иероглифических надписях памятника, он постарался привязать к царствованию Александра греческую его надпись[3].

К последнему моменту мы еще вернемся; в целом же решение вопроса о датировке данного памятника должно, несомненно, вытекать из комплексного анализа его особенностей, важнейшими среди которых являются не только древнегреческое посвящение, но, конечно, и титулатура Александра. Последняя среди известных нам титулатур Александра уникальна – не только полным составом пяти царских имен, но и резким отступлением от тех форм Хорова имени Александра, которые зафиксированы в его памятниках внутри Египта. Хорово имя Александра известно в следующих формах: в реконструированном при нем святилище барки в Луксоре – *mk-Kmt* («Защитник Египта»)[4]; в реконструированных при нем помещениях святилища Ахмену в Карнаке – *hq3-qnw tkn-ḫ3swt* («Правитель сильный, приближающийся к чужеземным странам»; Urk. II. 6)[5]; также в Ахмену (LD IV. 3a, 3c) и в храме Тота в Гермополе, реконструкция которого, начатая при XXX династии, завершалась при Александре Великом и Филиппе Арридее[6], – в форме *hq3-qnw* («Правитель сильный»); и, наконец, в Гермополе – просто в форме *qnw* («Силач»)[7]. Легко заметить, что последние две формы Хорова имени Александра являются стяжением его наиболее полного варианта, представленного в Ахмену (в частности, его сокращение до *qnw* может объясняться и чисто композиционными соображениями – вертикальным расположением на не слишком высоком блоке), так что в конечном счете вариативность этого имени можно свести до двух форм. Сама по себе такая вариативность обращает на себя внимание, но не беспрецедентна: так, на протяжении XXV–XXX династий принципиально

столбца, вплоть до титула , относится к царской титулатуре. Если бы было иначе, то тогда с высокой вероятностью знак служил бы началом Хорова имени, которому надо было бы искать соответствие среди известных титулатур Александра. Против интерпретации начала столбца как части титулатуры говорит и отсутствие сереха в соположении со знаком и то, что сама сохранившаяся часть столбца занимает далеко не всю высоту стены (можно было бы ожидать, что серех с Хоровым именем размещался бы максимально близко к потолку, начиная титулатуру и служа как бы ее обрамлением сверху). Начертания «солнечного» и личного имен Александра в данном столбце не слишком обращают на себя внимание по сравнению с их аналогами внутри Египта (Blöbaum 2006, 419–422), если не считать не совсем полное написание его личного имени (см. комм. «з» – Ладынин 2014, 9); как мы уже заметили (см. комм. «ж» – там же), при личном имени, в отличие от титулатуры на «алтаре», нет добавления «сын Амона».

[3] Bosch-Puche 2008, 37–38.

[4] Blöbaum 2006, 419 (A–D I), со ссылкой на Abder-Raziq 1984, 11, 56. При подготовке статьи мы еще не имели возможности учесть новую статью Ф. Боск-Пуче, где превосходно классифицируются формы царских имен Александра в Египте: Bosch-Puche 2013.

[5] Blöbaum 2006, 419 (A–D III).

[6] Blöbaum 2006, 419 (A–D II); Winter 2006, 209, Abb. 2 (портик храма, согласно зарисовке Дж.Г. Уилкинсона).

[7] Blöbaum 2006, 419 (A–D V); Bittel, Hermann 1934, 37–38, Abb. 17 *a–b*; Winter 2006, 209, Abb. 3 *a–b* (фрагмент архитрава храма Тота).

разные формы Хорова имени мы видим у Неферита I (*ꜥ3-ib* и *wsr-ꜥw*)[8], а из царей чужеземного происхождения – у Пианхи (*sḫtp-t3wy.f*(*y*), *k3-t3wy.f*, *k3-nḫt ḫꜥ*(*i*)*-m-W3st*, *k3-nḫt ḫꜥ*(*i*)*-m-Npt*)[9] и Шебитку (*ḏd ḫꜥw* и *k3 nḫt ḫꜥ*(*i*) *m W3st*)[10]. Случаев же, когда Хорово имя известно в ряде вариантов, связанных с расширением при помощи дополнительных эпитетов его неизменной основы, известно еще больше (так, у Нектанеба II мы видим четыре его вариации)[11]. Вместе с тем вполне очевидно, что форма Хорова имени Александра на памятнике из Каср эль-Мегисба несводима к тем, что мы видим в его памятниках в Египте.

Существенно иной оказывается и, так сказать, тематика титулатуры Александра на памятнике из Каср эль-Мегисба. Ранее мы уже высказывали мнение, что основная тема титулатуры Александра на его памятниках в долине Нила, проявляющаяся в его Хоровых именах, – это мощь воителя, обороняющего Египет и обрушивающегося на чужеземные страны, при том что эти части земного мира противопоставлены друг другу[12]. Мотив защиты Египта в титулатуре на памятнике из Каср эль-Мегисба присутствует: так, эпитет в составе «золотого имени» Александра *ḫwi B3q*(*t*) («обороняющий Египет») – это очевидная реплика его имени *mk-Kmt*, зафиксированного в Луксоре[13]. Однако в целом эпитеты титулатуры на данном памятнике объединены прописанной чрезвычайно ярко и достаточно необычно (см., например, эпитет *ḥq3 w3ḏ*(*-wr*) *šn*(*t*)*-itn* в имени Хора Златого, использующий весьма редкий в подобных контекстах термин *w3ḏ-wr*[14]) идеей его миродержавия, в рамках которого даже размывается граница между Египтом и чужеземными странами (так, в Хоровом имени выражение *…t3* (*r*) *ḏr.f* «…земля (до) пределов ее», при сопутствующем ему мотиве множественности правителей, явно имеет в виду мир в целом, без деления на Египет и чужеземные страны; а в эпитете имени Обеих Владычиц *it ḏwꜥ t3w ḫ3swt* «схватывающий горы, земли, чужеземные страны» традиционная для египетского сознания парная оппозиция «земель» и «чужеземных стран» подрывается введением в данную последовательность третьего

---

[8] Blöbaum 2006, 398.

[9] Blöbaum 2006, 366.

[10] Blöbaum 2006, 371.

[11] Blöbaum 2006, 411.

[12] Ладынин 1999, 92–93, 96–97.

[13] Ср. эпитет Рамсеса II в тексте его 34-го года *ḫwi Kmt mk t3wy* («обороняющий Египет, защитник Обеих Земель»); выражение *ḫwi-t3wy* («обороняющий Обе Земли»): Grimal 1986, p. 328. О термине *mk-Kmt* как одном из важнейших компонентов титулатуры ряда царей начиная с Рамсеса II см. Grimal 1986, 324–325.

[14] Мы разделяем его традиционное истолкование как обозначения моря, в некоторых случаях – Мирового океана: Wb. I. 269. 12–16; Helck 1980; ср. Vandersleyen 2008. В относительно близких хронологически и по смыслу контекстах данный термин встречается при Птолемее IX – в его имени Обеих Владычиц (*wr pḥty sḫm w3ḏ-wr ity-iwꜥ-t3wy m mꜣꜥ-ḫrw* «Великий мощью, мощный в отношении Великой зелени, схватывающий наследие Обеих Земель в качестве правого голосом»: Beckerath 1999, 242–243, N3) и при Птолемее XI Александре II – в титулатуре Хора Бехдетского в надписи из храма в Эдфу (*wr pḥty ḫrp w3ḏ-wr it iwꜥt t3wy m mꜣꜥ ḫrw* «Великий мощью, управляющий Великой зеленью, схватывающий наследие Обеих Земель в качестве правого голосом»: Edfou V. 1). Заметим, однако, что оба эти примера явно содержат в себе мотив вступления бога Хора и уподобляемого ему царя по праву («в качестве правого голосом») в наследование власти над Египтом, чего совершенно нет в титулатуре Александра на рассматриваемом нами памятнике. Доэллинистические тексты использование данного термина для характеристики царского миродержавия, кажется, не фиксируют; см. Grimal 1986; Blöbaum 2006.

компонента[15]). Различие между мотивами обороны Египта и его наступления на внешний мир в титулатурах Александра в долине Нила, с одной стороны, и миродержавия царя Египта – Александра – на памятнике из Каср эль-Мегисба – с другой столь очевидно, что априорно можно было бы высказать предположение о составлении для Александра уже после его решающих побед над Ахеменидами новой титулатуры взамен составленной для него ранее, во время его пребывания в Египте, когда мотив защиты последнего от еще не сокрушенной державы Ахеменидов и наступления против нее еще имел смысл.

Однако, по нашему убеждению, такое предположение было бы неверным. Как мы хорошо знаем по граффито Анхпахереда из Луксора, реконструкция святилища барки в этом храме началась в первый месяц Года 1 Александра, т.е. ок. ноября 332 г. до н.э. (стб. 5)[16], и продолжалась вплоть до царствования Филиппа Арридея (стб. 1, 7). Как мы видели, именно в Луксоре фиксируется форма Хорова имени

---

[15] О понятии *ẖ3st* в контексте царской идеологии Египта I Переходного периода – Среднего царства см. Демидчик 2005, 132–178. Из характера употребления этого термина следует, что территория *ẖ3st* начиналась непосредственно за пределами орошаемой земли долины Нила, и соответственно этот термин служил обозначением окаймляющих ее пустынь. Возможно, в таком случае на памятнике из Каср эль-Мегисба понятия *t3w* и *ẖ3swt* вообще употреблены вне свойственных им культурно-религиозных коннотаций (*t3* – долина Нила, населенная египтянами, единственное место, пригодное для высокопродуктивного земледелия и служения богам: Демидчик 2005, 23–24; *ẖ3swt* – противополагаемые долине Нила по всем этим параметрам чужеземные страны), в исключительно «ландшафтном» значении, подкрепляемом помещением в одном ряду с ними и термина *ḏww* («схватывающий горы, долины и пустыни»; в чем-то аналогичным образом эпитет имени Хора Златого *ḥq3 w3d*(*-wr*) *šn*(*t*)*-itn* использует еще более широкие, «космологические» категории).

[16] Публикатор данного граффито М. Абд эр-Разиг читал в этом месте «Год 3» (Abder-Razig 1983, 213); Ж. Горр, основываясь на коррективе К. Янсена-Винкельна к чтению данного места в тексте граффито (Год 1, а не 3 Александра: Jansen-Winkeln 2001, 180; ср. теперь: Jansen-Winkeln 2013, 2, 5, Anm. 12, Taf. 2), предложил считать, что «Александр» в данном тексте – это Александр (IV), сын Александра Великого и Роксаны. Соответственно, работы, начатые под руководством Анхпахереда в *prt* II 4-й год Филиппа Арридея (стб. 1 граффито; март–апрель 320 г. до н.э.; см. преобразование египетских календарных датировок для времени Аргеадов в даты современного летосчисления по: Beckerath 1997, 198), должны были завершиться в *3ḫt* I 1-го года Александра (IV) (Gorre 2009, 54–55; ноябрь-декабрь 317 г. до н.э.). Такая трактовка кажется нам уязвимой по следующей причине: граффито Анхпахереда описывает его руководство сооружением чрезвычайно значимого объекта Луксорского храма – скорее всего, как и считал его публикатор, святилища барки в Луксоре, возведенного при Александре (Abder-Razig 1983, 217; заметим, что Горр не счел возможным прямо оспорить это предположение, несмотря на его очевидную несовместимость с предлагаемой им интерпретацией граффито). Однако при Александре (IV) никаких работ в Луксорском храме не велось вовсе (Chauveau, Thiers 2006, 395–396), и думается, что этого достаточно, чтобы совершенно определенно соотнести имя «Александр» в граффито Анхпахереда с Александром Великим. При отнесении, согласно К. Янсен-Винкельну, начала работ в Луксорском храме к *3ḫt* I Года 1 Александра Великого пришлось бы признать, что они начались буквально одновременно с его вступлением в Египет (Seibert 1985, 85, Anm. 29 – соотнесение с ноябрем 332 г. до н.э. одного из финальных эпизодов осады Газы, предшествовавшей вступлению в Египет; Ладынин 1999a, 13). Впрочем, вполне возможно, что соответствующая датировка несколько условна и призвана показать, что работы в Луксоре под руководством Анхпахереда начались, во всяком случае, непосредственно после вступления в Египет македонян. Летосчисление по годам царствования Александра велось в Египте с 332/331 г. до н.э. (Pestman 1967, 11).

Александра *mk-Kmt*, которую, принимая во внимание время начала реконструкции святилища барки, правомерно счесть более ранней, составленной непосредственно при вступлении Александра в Египет. При этом в помещениях святилища Ахмену в Карнаке, восстановленных при Александре, мы видим, как упоминалось, вариант этого имени *hqꜣ-qnw tkn-ḫꜣswt*: легко заметить, что военный мотив Хоровых имен Александра нюансирован в нем как характеристика успешного наступления против чужеземных врагов Египта, что побуждает предположить его составление на более позднем этапе, когда разгром Александром державы Ахеменидов если не уже состоялся, то, во всяком случае, встал в повестку дня. Насколько мы можем судить, строительство в Фивах не прекращалось на протяжении всего царствования Александра (об этом свидетельствуют и данные граффито Анхпахереда, и органичное продолжение начатых при Александре работ уже при его преемнике Филиппе Арридее), причем именно Фивы были важнейшей из «строительных площадок» его царствования в Египте[17]. Учитывая это, можно сказать, что если бы подчинение Ахеменидской державы Александром действительно было бы отмечено составлением для него в Египте новой, причем необычайно яркой египетской титулатуры, которую мы и видим на памятнике из Бахарии, то ее отсутствие в Фивах было бы необычайно странно и практически необъяснимо.

Присутствие в титулатуре Александра на памятнике из Каср эль-Мегисба мотива миродержавия побуждает искать аналоги и самому этому мотиву, и конкретным терминам, в которых он выражен. В этом смысле весьма показателен поиск аналогий эпитетам *iṯ ḏww tꜣw ḫꜣswt* («схватывающий горы, земли, чужеземные страны») в имени Обеих Владычиц и *ḥqꜣ wꜣḏ*(*-wr*) *šn*(*t*)*-itn* («властитель Великой зелени (и) окружаемого солнечным диском») – в имени Хора Златого. Полные совпадения с этими эпитетами в других памятниках найти не удается, хотя в какой-то мере с ними можно сопоставить эпитет Дария I в одной из надписей храма Амона в Хибисе, также использующий широкие космологические термины: [*zꜣ*] *Ỉmn w*[*ꜣḥ…nṯr*] *nfr nsw-bity nb tꜣwy nb ir*(*t*) *ḫt Ḥrw ḥqꜣw nb ḥrt ḫrt imnty iꜣbty zꜣ Rᶜ Ỉntrwyšꜣ* («[сын] Амона, долгий... бог] благой, царь Верхнего и Нижнего Египта, владыка совершения вещей, Хор властителей, владыка горних (и) дольних, запада (и) востока, сын Ра Дарий»[18]). Значимые компоненты этих эпитетов – выражение *iṯi tꜣw* (*nbw*) («схватить все страны») и выражения, использующие словосочетание *šn*(*nt*)*-itn* («окружаемое солнечным диском»), в том числе в форме *ḥqꜣ šn*(*nt*)*-itn* («править окружаемым солнечным диском»), известны со Среднего царства и становятся особенно употребительными в памятниках царей-завоевателей Нового царства[19]. В I тыс. до н.э. выражение *iṯi tꜣw* (*nbw*) засвидетельствовано в целом ряде памятников XXV династии[20]; выражений со словосочетанием *šn*(*nt*)*-itn* мы в это время и, насколько нам известно, ранее, в III Переходный период, не видим. В то же время и тот и другой термин оказываются хорошо засвидетельствованы опять-таки в

---

[17] О храмовом строительстве царствования Александра в Египте см. Ладынин 2007.

[18] Davies 1953, pl. 29; Blöbaum 2006, 56.

[19] О выражении *iṯi* в пропагандистских текстах Среднего царства см. Blumenthal 1970, 223–224; *iṯi tꜣw nbw*в текстах Нового царства и позднее: Grimal 1986, 687, nt. 716. О словосочетании *šn*(*nt*)*-itn* в контекстах, связанных с властью царя над миром, в текстах Среднего царства см.: Blumenthal 1970, 199–200; в том числе выражение *ḥqꜣ šnnt itn*: Blumenthal 1970, 200 (со ссылкой на: Petrie 1896, pl. XII(3), l. 6; о выражении *ḥqꜣ šnnt itn* и близких ему эпитетах в эпоху Нового царства см.: Lorton 1974, 32–33, 37 (*ḥqꜣ n šn tỉtn*/*ḥqꜣ šnnt itn*), 15–16, 18 (*nb n šnt itn*/*nb šnnt itn*).

[20] Blöbaum 2006, 58.

памятниках Дария I – в надписях на его египетской статуе, найденной в Сузах, и на стелах, возведенных в районе канала Нил – Красное море. В надписи 2 на статуе из Суз (на складках туники царя) Дарий именуется «тем, чья мощь схватила все земли» (стб. 1: *it̲i sḫm.f t3w nbw*), «(тем, кого) Атум, владыка Гелиополя, избрал к (тому, чтобы быть) господином окружаемого солнечным диском» (стб. 2: *stp.n (I)tm nb Ỉwnw r nb n šn nb n ỉtn*) и кому Атум «приказал схватить страны все» (там же: *wdt.f n.f i̯tt t3w nbw*[21]); эти же слова применительно к Дарию присутствуют – также в контексте его предопределенности к власти божеством – в текстах стелы из Телль эль-Масхута, вообще очень примечательной своей концепцией рождения Дария от Нейт и его изначальной предназначенности по воле богов к миродержавию[22]. По поводу обоих этих памятников уместно заметить, что специфически персидские мотивы в них, можно сказать, бьют через край: в текстах их обоих присутствует египетский перевод персидской царской титулатуры (см. ниже); на них имеется традиционный для персидских текстов, хотя и оформленный в египетской стилистике перечень подвластных царю стран, в числе которых есть и Египет[23];

---

[21] Ж. Йойотт, публиковавший египетские тексты на статуе Дария из Суз, истолковал начертание удвоение знака GG N_{17} в данных фрагментах как *dualis* (*t3wy* «Обе Земли»), переводя, соответственно, словосочетание *t3wy nbw* ( ) как chacune de Deux Terres (Yoyotte 1974, 182, 213, fig. 29; Perrot 2010, 279–280); А.-И. Блёбаум интерпретирует данные фрагменты так же и по аналогии с ними восстанавливает и один из фрагментов в стеле из Телль эль-Масхуты (Blöbaum 2006, 58, Tab. 8 (7, 9, 10)). На наш взгляд, такая трактовка уязвима. Прежде всего в текстах статуи Дария в слове *nbw* акцентированно выписано окончание *w* (знаком GG G_{43}); очевидно, что это написание выражает согласование *nbw* с предшествующим словом будь то в мн.ч. или в *dualis* (см. о фонетическом совпадении соответствующих окончаний в I тыс. до н.э. в комм. «а» – Ладынин 2014, 6–7), но, во всяком случае, вряд ли будет выражать значение ед.ч. (собственно говоря, синтаксическая связь этого слова в ед.ч. с предшествующим *t3wy* или *t3w* при итоговом значении словосочетания «каждая из Обеих Земель/из земель» кажется очень туманной). Соответственно для данного словосочетания можно предполагать перевод «Обе Земли все» или «земли все», но едва ли «каждая из Обеих Земель/из земель». Между тем перевод «Обе Земли все» можно считать исключенным заведомо по смыслу: все необходимое для данного понятия значение собирательности двух составных частей страны в соответствии с египетской традицией заложено в форму *dualis t3wy* и не требует подкрепления определительным местоимением *nb*. Поэтому понимание данного словосочетания как *t3w nbw* «земли все» явно предпочтительно; само же по себе использование написаний, соответствующих внешне *dualis*, в значении мн.ч., как мы уже говорили (см. указанный комментарий – Ладынин 2014, 7), вещь достаточно известная.

[22] О Дарии говорится, что он был избран богом «к (тому, чтобы быть) господином всего окружаемого солнечным диском» (стк. 2: *…stp.n Nt r n*] *b n šn nb n ỉtn*; восстановление А.-И. Блёбаум: Blöbaum 2006, 53, 241, 252; ср. Posener 1936, 55) и что Нейт «приказала ему схватывание всех чужеземных стран» (стк. 2–3: *wḏ.n.s n.f* [*i̯t t3w nbw*]; восстановление А.-И. Блёбаум: Blöbaum 2006, 58, 245; ср. Posener 1936, 55). Если во втором случае то, что агент действия – Нейт, очевидно из формы ж.р. местоимения-суффикса, то в первом случае восстановление имени Нейт не находит опоры в издании текста Ж. Познером; последний в своем переводе не восстановил даже слово *nb* (Posener 1936, 58), хотя и оговаривал, что его наличие в памятнике предполагал В.С. Голенищев (Posener 1936, 59, nt. ‘a’); согласно переводу Познера предполагается, что божеством, предопределившим власть Дария над *šn nb n ỉtn*, был Ра, а не Нейт. Мы не знаем, проводила ли А.-И. Блёбаум коллацию данного текста по подлиннику, хранящемуся в Каирском музее (CM 1182).

[23] Roaf 1974, 73–160; Perrot 2010, 288–296.

а статуя из Суз, хотя и изготовленная в Египте, изображает Дария в персидском одеянии[24].

Еще один компонент титулатуры Александра на памятнике из Каср эль-Мегисба, который связан с мотивом его миродержавия и заслуживает специального и внимательного обсуждения с точки зрения поиска его аналогий, – это Хорово имя *ḥqꜣ ḥqꜣw nw tꜣ* (*r*) *ḏr.f* («Властитель властителей земли (до) пределов ее»), как мы говорили, принципиально отличное от Хорова имени Александра в его памятниках в пределах Египта. На основании чтения этого имени Э. Винтером и А.-И. Блёбаум мы уже высказывали мнение, что оно представляет собой, по существу, перевод в египетские термины знаменитого персидского царского титула «царь царей»[25], восходившего, как считается, к традициям Месопотамии и Урарту[26]. Вместе с тем нельзя не упомянуть, что словосочетание *ḥqꜣ ḥqꜣw* известно в собственно египетской традиции применительно к реальному земному правителю[27] по крайней мере с эпохи Нового царства в контекстах, связанных с его властью над внешним миром[28]. При Рамсесе II один из его чтимых колоссов в Карнаке получает имя *ḥqꜣ n ḥqꜣw m tꜣw nbw* (кстати, напоминающее рассматриваемое нами имя Александра)[29], а на стеле Рахотепа, отражающей, по-видимому, почитание Рамсеса II в Пер-Рамсесе и его округе, его колосс именуется *Rᶜ-ms-sw ḥqꜣ ḥqꜣw*[30]. Именно это обозначение культовых изображений Рамсеса II представляется нам ключом к пониманию значения выражения *ḥqꜣ ḥqꜣw*. Как хорошо известно, другим распространенным

---

[24] Perrot 2010, 256–274.

[25] Ладынин 2008, 248 сл.

[26] Frye 1964, 36–37; Kienast 1979, 351–364; Schmitt 2012.

[27] По-видимому, целесообразно вынести за рамки нашего рассмотрения употребление данного выражения по отношению к богам (характерным образом, также с эпохи Нового царства: Wb. III. 171.13). Заметим, что вариант такого его употребления в эпоху Аргеадов мы видим в эпитете Хора в «Стеле сатрапа» *ḥqꜣ ḥqꜣw nsw nsww bity bityw* (Urk. II. 17.17; «властитель властителей, царь царей Верхнего Египта, царь царей Нижнего Египта»). Не вдаваясь сейчас в детальный анализ этого выражения, скажем, что, по-видимому, он, достаточно понятным в силу его применения к божеству образом, обозначает наличие у данного божества сакральности, превышающей сакральность и, сообразно этому, мощь всех остальных богов и правителей.

[28] См. для XVIII династии сводку в: Lorton 1974, 33–35, 37; Д. Лортон обращает внимание, что данное выражение можно считать засвидетельствованным не ранее времени Тутмоса III, поскольку не подтверждаются его предполагавшиеся употребления в эпоху Среднего царства (в гробнице Siut IV: Brunner, 1937, 52; Lorton 1974, 48, nt. 22; на фрагменте сосуда из Библа: Montet 1941, 37, fig. 12; Lorton 1974, 56, nt. 132). Мы не можем принимать всерьез истолкование Д. Лортоном терминов *ḥqꜣ ḥqꜣw* и *nsw nsww* (в его транслитерации – *nswt nsw*(*t*)*yw*) как сочетаний существительного и пассивного причастия однокоренного с ним глагола (т.е., соответственно, «правитель правительствуемых», «царь тех, над кем царствуют»; Lorton 1974, 18–20); см. критику этого истолкования: Redford,1977, 183–184. В самом характере этого истолкования и настойчивости в его применении мы усматриваем влияние учителя Лортона Х. Гёдике, умудрившегося предложить такое же истолкование для указанного нами в предыдущем примечании эпитета бога Хора в «Стеле сатрапа» (Goedicke 1985, 36: Administrator of administered ones, King of the King's subjects, Nobleman of noblemen).

[29] Фрагмент, найденный во дворе VIII пилона Карнакского храма: Le Saout 1982, 267. По замечанию Н.-Кр. Грималя, Рамсес III принимает эпитет *ḥqꜣ ḥqꜣw ity ꜣḫ n it.f*, служащий дополнением к его личному имени (KRIV. 283.9) именно как реплику имени чтимого колосса Рамсеса II (Grimal 1986, 577, nt. 94).

[30] Habashi 1969, 33–34.

именем колоссов Рамсеса II было *Rᶜ ḥqꜣw* – «Ра властителей»[31]; вполне логично считать, что оба эти обозначения колоссов Рамсеса близки по смыслу, и в таком случае имя *ḥqꜣ n ḥqꜣw m tꜣw nbw* (как, вероятно, и более стяженная форма этого выражения, а также как, несомненно, и имя *Rᶜ ḥqꜣw*) должно обозначать связанную с сакральностью царя его способность властвовать над чужими землями, поддерживая в них миропорядок и побеждая находящихся в них врагов[32] (очевидно, она и была объектом почитания, которое адресовалось колоссам Рамсеса[33]). В I тыс. до н.э. мы, кажется, не встречаем выражения *ḥqꜣ ḥqꜣw* применительно к реальным правителям, за частичным исключением так называемой «Стелы из песчаника» времени Пианхи: в этом памятнике из Джебель-Баркала мы видим употребленный по отношению к Пианхи эпитет *nṯr nfr nsw nsww ḥqꜣw* (стк. 2: «Благой бог, царь царей (и) правителей»; FHN I. 58), адекватно передающий его статус по отношению к правителям Египта, который описан наиболее подробно в его хорошо известной «Стеле»[34].

В эпоху Ахеменидов мы видим выражение *ḥqꜣ ḥqꜣw* лишь в одном, зато исключительно показательном памятнике – в граффито из Вади-Хаммамат персидского управителя Коптоса Атиявахии. Включенная в него титулатура Дария I выглядит следующим образом: *…nsw-bity nṯr nfr nb tꜣwy zꜣ Rᶜ nb* [*ḫꜣw*] *ḥqꜣ tꜣwy ḥqꜣ ḥqꜣw nb pḥty Trywhš ᶜnḫ mi Rᶜ* («…царь Верхнего и Нижнего Египта, благой бог, владыка Обеих Земель, владыка [воссияний], правитель Обеих Земель, правитель правителей, владыка мощи»)[35]; на наш взгляд, нет оснований сомневаться, что в надписи, сделанной по приказу персидского чиновника (а возможно, как считают некоторые исследователи, и непосредственно им), данное выражение могло быть лишь эквивалентом персидского царского титула. При этом предполагаемому нами еще для эпохи Нового царства значению этого термина как нельзя лучше соответствует сама концепция сакральной власти персидского царя над всем миром, предопределенной волей богов. Проявления этой концепции мы видим в ряде памятников Дария I, в особенности в стеле из Телль эль-Масхуты (см. выше); однако наиболее близко к семантическому полю выражения *ḥqꜣ ḥqꜣw* она выражена в уже цитировавшемся эпитете Дария в надписи из Хибиса, который включает в себя словосочетание *Ḥrw ḥqꜣw* («Хор властителей»; очевидно его смысловое сходство с именем колоссов Рамсеса II «Ра властителей»). Кроме того, как мы уже говорили, в памятниках Дария I (помимо названных нами выше, также и в стеле из Кабре) мы видим иной вариант передачи персидского царского титула, который в наиболее полной форме (в надписи 2 на статуе из Суз, стб. 4) выглядит следующим образом: *nsw-bity nb tꜣwy* [*Ỉntryw*]*šꜣ ᶜnḫ ḏt pꜣ ᶜꜣ pꜣ wr n nꜣ wrw pꜣ ḥry n pꜣ* [*tꜣ zꜣ*] *it-nṯr*

---

[31] Habashi 1969, 41–42; Grimal 1986, 372–373, с подробными отсылками к литературе. Такие же названия имелись и у чтимых колоссов Аменхотепа III (*ḥqꜣ ḥqꜣw* – у «колоссов Мемнона» в Фивах, *Rᶜ ḥqꜣw* – у колосса, оставшегося неизвлеченным из карьера в Асуане: Bickel 2002, 68, 77).

[32] О значимости в представлениях египтян еще в эпоху Древнего царства солнечной сакральности царя не только для Египта, но и для всего миру и, соответственно, об универсальном характере его власти: см. Демидчик 2001; о способности царя «гарантированно» побеждать чужеземных врагов в силу наличия у него сакральности см. Демидчик 2005, 138–149.

[33] См. наши замечания о характере этого почитания с отсылками к литературе: Ладынин 2009, 21–22.

[34] См. ее оценку с этой точки зрения: Ладынин, Немировский 2007, 78–83.

[35] Goyon 1957, 118–120, pl. XXXIV; ср. Posener 1936, 117–124; Дандамаев, Луконин 1980, 115, 300; Klotz 2008, 113–115.

Wꜣšꜣtisꜣp Ỉꜣḫmỉnš («царь Верхнего и Нижнего Египта [Дари]й, живой вечно, великий (ахем. “царь великий”), вождь вождей (ахем. “царь царей”), набольший земли (ахем. “царь стран”), сын “отца бога” Виштаспы, Ахеменид»)[36]. Использование при передаче персидского термина «царь царей» египетского слова *wr* («вождь, старейшина»), обозначающего чужеземных правителей, заведомо неравных царю Египта (Wb. I. 329.16)[37], было, по-видимому, призвано оттенить сугубо внеегипетское происхождение данного термина; вместе с тем принципиально, что данные памятники фиксируют сам факт знакомства египтян с персидским термином «царь царей». Трудно представить себе, чтобы от них ускользало его структурное и смысловое сходство с выражением *ḥqꜣ ḥqꜣw*, причем прямым подтверждением такого осознания ими можно считать как раз приведенные нами эпитеты Дария I в граффито Атиявахии и в надписи из Хибиса.

Возвращаясь теперь к Хорову имени *ḥqꜣ ḥqꜣw nw tꜣ* (*r*) *ḏr.f* в титулатуре Александра на памятнике из Каср эль-Мегисба, мы можем дополнить наше предположение о том, что оно представляет собой реплику персидского царского титула (см. наше прим. 25). Очевидно, что это именование было значимо и в категориях египетской религии и идеологии, выражая, как и его более ранние аналоги, идею сакральной власти царя над миром. Весьма показательно, что самым близким по времени его точным аналогом будет как раз словоупотребление граффито Атиявахии ахеменидского времени! При этом понятно, чем именно могли быть актуализированы ахеменидские ассоциации применительно к Александру: несомненно, принятием им статуса преемника Ахеменидов после разгрома их державы в 331–330 гг. до н.э. (что в античной традиции было в целом воспринято как переход власти в так называемом «царстве Азии» от персов к македонянам[38]). Надо думать, что при конструировании какого-либо египетского описания этого статуса Александра использовать термин *wr*, как это делалось применительно к Ахеменидам, было бы невозможно: если Ахемениды в египетском восприятии были чужеземными правителями, в которых выявился статус легитимных сакральных царей, то применительно к Александру, позиционировавшемуся в качестве освободителя страны от этих чужеземцев, господство которых расценивалось теперь однозначно нега-

---

[36] Yoyotte 1974, 182, 213, fig. 29; Perrot 2010, 279–280. Ср. в стеле из Телль эль-Масхуты, стк. 4–5: *nsw-bỉty nb tꜣwy Ỉnṯrwywꜣšꜣ ꜥnḫ ḏt pꜣ ꜥꜣ pꜣ wr n nꜣ wrw pꜣ… Wꜣ*]*šꜣtisꜣpy Ỉꜣḫmỉnš pꜣ ꜥꜣ* («царь Верхнего и Нижнего Египта Дарий, живой вечно, великий, вождь вождей, […сын “отца бога” Ви]штаспы, Ахеменид, великий»; Posener 1936, 55); в стеле из Кабре, стк. 4: *…pꜣ wr n nꜣ wrw…* («вождь вождей»; Posener 1936, 74; памятник чрезвычайно разрушен); см. также надпись на наофорной статуе Уджахорреснета, стб. 11: *ỉy pw ỉr.n wr ꜥꜣ n nb n ḫꜣst nb Kmbỉṯt r Kmt* «выхождение это, сделанное вождем великим владыки чужеземной страны всякой Камбисом к Египту»; стб. 12: *wn.f m ḥqꜣ ꜥꜣ n Kmt wr ꜥꜣ n ḫꜣst nb* «когда был он правителем великим Египта, вождем великим чужеземной страны всякой» (Posener 1936, 6); стб. 43: *ỉs sw m wr ꜥꜣ n ḫꜣst nb ḥqꜣ ꜥꜣ n Kmt…* «когда был он (Дарий I) вождем великим чужеземной страны всякой (и) правителем великим Египта…» (Posener 1936, 21–22). Об эпитете «отец бога» как обозначении человека нецарского статуса, бывшего отцом царя – основателя династии, см. Yoyotte 1974, 182, nt. 4; Berlev 1981, 363, nt. 15.

[37] Очевидно некоторое влияние демотического языка на передачу в этих текстах средствами среднеегипетского языка персидской царской титулатуры (частое употребление артиклей, использование в передаче титула «царь стран» нетипичного для среднеегипетских текстов термина *ḥry*: CDD, *Ḥ*, 219). Однако слово *wr* свою специфику обозначения чужеземных «вождей», о которой мы говорим ниже, сохраняет и в демотическом языке (CDD, *W*, 111–112; приведенное здесь исключение – эпитет Осириса *wr r pꜣ tꜣ ḏr.f* – очевидным образом не имеет отношения к делу).

[38] Ладынин 2005, 152–153.

тивно[39], акцентировать при помощи этого термина его собственное неегипетское происхождение было бы нежелательно[40]. В такой ситуации использование термина *ḥqꜣ*, и прежде часто описывавшего власть царя за пределами Египта, напрашивалось бы само собой. Стоит обратить внимание и на еще один нюанс: в египетских соответствиях персидской титулатуре Дария ее компонент «царь стран» передавался не вполне уверенно реконструируемым словосочетанием, в котором, очевидно, использовалось слово *tꜣ* или *tꜣw* (см. выше, в надписи 2 на статуе из Суз: *pꜣ ḥry n pꜣ* [*tꜣ*?]); было бы достаточно правдоподобно увидеть в Хоровом имени *ḥqꜣ ḥqꜣw nw tꜣ* (*r*) *ḏr.f* своего рода совмещение с выражением *ḥqꜣ ḥqꜣw* этого титула, с устранением из него несреднеегипетского компонента *pꜣ ḥry*.

Текст столбца слева от титулатуры Александра с именем жреца, которому, очевидно, приписывалось установление данного памятника, дает для его интерпретации мало; что же касается грекоязычной надписи на левой боковой грани памятника, то смысл ее как таковой, пожалуй, не нуждается в пояснениях – за исключением именования божества, сыном которого назван Александр. Как мы хорошо знаем по фрагментам источников, восходящим ко времени Александра (в частности, к труду его историографа и идеолога его царствования Каллисфена), божеством, сыном которого он провозглашался в греко-македонской среде, был прежде всего греческий Зевс, а не Аммон[41]. Упоминание Аммона в грекоязычной надписи времени Александра, в особенности являющейся посвящением от имени самого царя, в общем представляется анахронистичным.

Серьезные вопросы вызывает предложенная Ф. Боск-Пуче интерпретация палеографических особенностей этой надписи: по существу, именно она является единственным обоснованным в его публикации критерием датировки памятника из Каср эль-Мегисба. Как мы уже говорили, Боск-Пуче уверенно относит данную надпись к царствованию Александра. Ее особенности публикатор описывает следующим образом: «*альфа* с откинутой срединной чертой; *кси* с тремя равными по длине горизонтальными чертами; легкий изгиб в косых чертах *альфы*, *ламбды* и особенно *мю*; *сигма* с расходящимися внешними чертами; уменьшенный и висящий в строке *омикрон*; *омега* с несколько уменьшенными размерами». В целом, по его мнению, эти особенности подтверждают датировку надписи временем Александра: в ней наблюдается «сосуществование старых черт (форма *альфы*, *кси* и *сигмы*) с другими, которые начинают проявляться с эпохи Александра (искривление черт, отходящих вправо, уменьшение скругленных букв и укорачивание средней черты в некоторых буквах)»[42].

---

[39] Schwartz 1949.

[40] Около первой половины III в. до н.э. своеобразная «неофициальная» пропагандистская версия, рассчитанная на египтян и в конечном счете отразившаяся в позднеантичном «Романе об Александре», вообще начинает представлять египетские царский статус и даже происхождение исконными для Александра: Кинжалов 1962; Berg 1973; Jasnow 1997.

[41] Tarn 1948, 349–350, 356–359; Bosworth 1988, 278, 282; Ладынин 2001, 202, 219–220.

[42] Bosch-Puche 2008, 37 (…alpha à barre oblique; xi à trois barres égales; légère incurvation des jambages d'alpha, lambda et surtout mu; epsilon à barre médiane courte; sigma à barres divergentes; omicron plus petit et suspendu; oméga de dimensions légèrement moindres… Les particularités paléographiques du texte corroborent cette datation: coexistence de traits anciens (forme de l'alpha, du xi et du sigma) avec d'autres qui commencent à être attestés à partir de l'époque d'Alexandre (incurvation de lignes droites déterminées, rapetissement des lettres rondes et raccourcissement de la barre médiane de certaines lettres), со ссылкой на Guarducci 1967, 370–371, 380–384; ближайшими аналогиями надписи на «алтаре» Александра Ф. Боск-Пуче считает эпиграфические памятники Габалат-Такрура в оазисе Сива (Bosch-Puche 2008,

Легко понять, что вторая группа признаков в лучшем случае позволяет датировать данную надпись временем *не раньше* царствования Александра (собственно, благодаря его упоминанию в ней, никто и не усомнился бы в этом!), но не дает оснований ограничивать датировку этим временем. Что же касается «старых черт», о наличии которых в надписи говорит Ф. Боск-Пуче, следовало бы внятно прояснить, какие в точности палеографические особенности он имеет в виду. Любое руководство по эпиграфике укажет, что написание альфы с прогнутой вниз срединной чертой, *кси* – тремя горизонтальными чертами без срединной вертикальной и смена «четырехчертной» *сигмы* лунарной позволяют отнести грекоязычную надпись ко времени не ранее III в. до н.э.[43] Как замечают специалисты, и *наличие* в надписи этих признаков должно использоваться как датировочный признак с осторожностью (в частности, Б.Х. Маклин относит появление в надписях новой формы *альфы* к длительному периоду – с III по I в. до н.э.[44]); однако *отсутствие* этих признаков во всяком случае не может трактоваться как безусловное основание для удревнения надписи, учитывая, что ряд памятников (в особенности, не частных, а официальных) имеет тенденцию к сохранению архаичных начертаний[45]. Однако Боск-Пуче не говорит напрямую, что имеет в виду именно эти особенно показательные изменения; среди же тех особенностей, которые он констатировал для данной надписи, признаками ее более ранней датировки он, насколько можно догадываться, считает еще и равную длину горизонтальных черт *кси* и расходящиеся, а не прямые горизонтальные внешние черты *сигмы*[46].

С тем, что указанная особенность *кси* вообще представлена в надписи в начертании имени Ἀλέξ<α>νδρος, можно, на наш взгляд, вообще поспорить: судя по фотографии в публикации, в этой букве срединная горизонтальная черта может казаться удлиненной влево благодаря особенностям камня; а нижняя горизонтальная черта явно длиннее средней и верхней. В таком случае в *кси* наблюдается то же, что и в *эпсилоне*, укорачивание срединной черты, которое публикатор памятника считает эпиграфической особенностью уже начала эллинизма. Далее, если мы обратимся к собственно памятникам греческой эпиграфики из Египта начала эллинистического времени, то увидим, что нелунарная *сигма* с расходящимися внешними чертами и *альфа* не с прогнутой, а с чуть скошенной или прямой срединной чертой надежно засвидетельствованы в памятниках времени Птолемея I или II[47]. Что касается наличия в *кси* вертикальной черты, то ее написание без та-

---

37, nt. 33); заметим, однако, что их исследователь У. Брашир определяет их датировку достаточно широким временным диапазоном – раннептолемеевским временем в целом (конец IV – начало III в. до н.э.; Brashear 1988).

[43] Woodhead 1981, 64.

[44] McLean 2002, 41.

[45] McLean 2002, 41.

[46] См. Guarducci 1967, 382–383.

[47] Bernand 2001, № 1, pl. 1.1 (посвящение Сарапису и Исиде времени Птолемея I; *альфа* со слегка склоненной вправо срединной чертой, нелунарная *сигма* с расходящимися вверх и вниз внешними чертами); № 2, 19–20, pl. 1.2 (посвящение Сарапису и Исиде из Кармуса первой четверти III в. до н.э.; *альфа* с прямой или слегка склоненной вправо срединной чертой, нелунарная *сигма* с расходящимися вверх и вниз внешними чертами); № 4, 27–28, pl. 1.4 (посвящение Сарапису и Исиде из Кармуса начала III в. до н.э.; *альфа* со склоненной вправо срединной чертой, нелунарная *сигма* со слегка расходящимися вверх и вниз внешними чертами); № 9, 37, pl. 5.9 (посвящение «богам-Адельфам» времени Птолемея II; альфа с чуть склоненной вправо срединной чертой, нелунарная *сигма* со слегка расходящимися вверх и вниз внешними чертами, *омикрон* без уменьшения размеров).

ковой, только тремя горизонтальными чертами действительно появляется уже при Птолемее II[48]; однако вместе с тем можно отметить и случаи сохранения в *кси* вертикальной черты, причем не только в начале птолемеевского времени[49]. Иными словами, совокупность палеографических признаков, которую Ф. Боск-Пуче использует для сужения датировки греческой надписи на памятнике и самого памятника до времени Александра, ни в коем случае нельзя считать невозможной для следующей, уже птолемеевской эпохи истории Египта.

Обратим внимание на еще один момент: как мы отмечали (комм. «м» – Ладынин 2014, 10), в надписи на «алтаре» в имени «Александр» вторая *альфа* оказалась ошибочно заменена *дельтой* со слегка прогнутой вниз нижней горизонтальной чертой. Очевидная ошибка в столь «ответственном» месте надписи выглядит настолько странно, что одним из способов ее объяснить представляется предположение о ее «камуфлирующем» характере: возможно, при нанесении надписи на памятник резчик ошибся и начал высекать в этом месте *альфу* с прогнутой срединной чертой, как это уже было принято в его время; далее, не имея возможности спрямить эту черту и в то же время находясь перед необходимостью исключить из надписи такие особенности, которые заведомо не допустили бы ее отнесение ко времени Александра, он предпочел «усугубить» свою ошибку и переделать *альфу* в *дельту*, форма которой не была датирующим признаком. Можно представить, что по определенным соображениям (прежде всего из элементарной экономии труда и стоимости материала) подобная манипуляция могла быть более приемлемой, чем изготовление памятника полностью заново. Разумеется, это предположение подлежит критике со стороны профессиональных эпиграфистов, к которым автор настоящей статьи не относится; тем не менее и независимо от его справедливости можно видеть, что палеография этой надписи не дает оснований к тому, чтобы исключить ее датировку (и, соответственно, датировку всего памятника) началом птолемеевского времени.

Как нам представляется, ключевым моментом для интерпретации данного памятника является резкое расхождение между зафиксированной на нем титулатурой Александра и другими его титулованиями на памятниках внутри Египта. Выше мы уже сказали о необъяснимости отсутствия такой титулатуры, если бы она была составлена для Александра на протяжении его жизни, на его памятниках внутри Египта, равно как и об отсутствии ее в других надписях храма в Каср эль-Мегисба. Вместе с тем в грекоязычной надписи данного памятника обнаруживается особенность, которую, как мы отмечали, для времени Александра можно счесть анахронизмом, – именование божества, считающегося его отцом, не Зевсом, а Аммоном.

---

[48] Bernand 2001, № 10, 38–40, pl. 4.10 (посвящение Арсиное Филадельфе времени Птолемея II; здесь данное начертание *кси* и нелунарная сигма со спрямленными, а не расходящимися внешними чертами сосуществует со «старой формой» *альфы*); SEG 27.1114, см. Koenen 1977 (агональная надпись из Мемфиса 267 г. до н.э.; здесь со «старыми формами» *альфы* и *сигмы* сосуществует написание *кси*, в котором средняя из трех горизонтальных черт почти сведена к точке).

[49] Wagner, Rondot 1994: посвящение александрийца Эйдоса Птолемею I из Дейр эль-Абьяда близ Сохага (*кси* с вертикальной чертой и укороченной срединной чертой и сосуществуют в этой надписи с *альфой* с прогнутой срединной чертой нелунарной *сигмой* со спрямленными внешними чертами); Bernand 1970(2), 239 (№ 10); 1970(3), pl. 4.2–3: база статуи с посвящением экзегета Дионисия Клеопатре III (в надписи наблюдаются нелунарная *сигма* со спрямленными внешними чертами, *альфа* с прямой срединной чертой, *кси* с вертикальной чертой и укороченной срединной чертой).

На наш взгляд, эти моменты побуждают со всей серьезностью поставить вопрос о том, не может ли так называемый «алтарь» из Каср эль-Мегисба быть «псевдопамятником», созданным существенно позже правления Александра, но при этом по неким соображениям заявленным как памятник, созданный при нем.

Тенденция, в рамках которой могла быть произведена такая манипуляция, угадывается достаточно легко: это построение своего рода «египетской мифологии» Александра, центральным эпизодом которой должно было стать посещение им оазиса Сива и признание его сыном божества со стороны местного оракула. Тогда может быть неслучайно и то, что некоторые нюансы иероглифического текста памятника содержат отсылки на культ Амона в оазисе Сива и, по-видимому, на акт признания Александра сыном божества его оракулом (см. комм. «ж», «и» – Ладынин 2014, 9–10). Обращение к античным авторам показывает, что наиболее подробно (со специальным описанием оазиса Сива, чтимого в его святилище культового предмета оазиса Аммона и способа прорицания его оракула и, наконец, собственно с именованием божественного отца Александра Аммоном) этот эпизод был растиражирован в традиции так называемой «вульгаты», восходящей к труду Клитарха Александрийского (из историков Александра, произведения которых дошли до нас, к этой традиции принадлежат Диодор, Курций Руф и Юстин)[50]. Можно думать, что это произведение об Александре было создано к середине 270-х годов до н.э. и призвано сыграть определенную роль в постулировании тесной преемственности дома Птолемеев от Александра[51]. Данная идеологическая манипуляция

---

[50] Понятие «вульгаты» было введено еще в источниковедении конца XIX – начала XX в. (см. Маринович, 1982, 33–35, 46 сл., с подробными отсылками к литературе). С середины XX в. оно стало критически восприниматься некоторыми учеными, что нашло наиболее ясную и аргументированную форму в работе Н. Хэммонда (Hammond 1983), в которой он показал несводимость произведений Диодора, Курция Руфа и Юстина только к прототипу Клитарха (для целого ряда их фрагментов обнаруживается по меньшей мере еще один сравнимый по значению с сочинением Клитарха прототип – произведение Диилла Афинского; кроме того, авторы «вульгаты» прибегают и к другим, менее значительным источникам; см. Маринович, 1990). Вместе с тем работу Хэммонда вряд ли можно назвать в полном смысле слова опровержением теории Клитарховой «вульгаты», к которому стремился ее автор: в обрисованной им картине развития античной исторической традиции об Александре сочинение Клитарха остается одним из главных первоисточников, к которым восходит ряд сообщений всех трех рассматриваемых им авторов, в том числе описание пребывания Александра в Египте и его посещения Александром оазиса Сива (Hammond 1983, 43, 99, 122). Понятие «вульгаты» не ушло и из современных исследований источников по времени Александра (Zambrini 2007, 216).

[51] В литературе вопрос о времени жизни Клитарха достаточно дискуссионен (Маринович 1982: 32–34; см. теперь Zambrini 2007, 216; сама Л.П. Маринович явно солидаризовалась с авторами, относящими его творчество ко времени окончательного оформления птолемеевской государственности, вероятно, к началу III в. до н.э.). Р.А. Хаззард (Hazzard 2000, 8–17) сформулировал, как кажется, серьезные доводы в пользу того, что творчество Клитарха следует отнести ко времени Птолемея II Филадельфа: в частности, он показал, что, по-видимому, ему принадлежит истолкование прозвища Птолемея I «Сотер» как благодарности за спасение им Александра в сражении с оксидраками в Индии. На наш взгляд, именно эта деталь служит важным «репером» в определении времени создания его труда. Как известно, альтернативное (по-видимому, соответствующее действительности) истолкование этого имени состоит в том, что «Сотером» Птолемея впервые наименовали родосцы после снятия с их города осады Деметрия-Полиоркета в 304 г. до н.э. (*Paus.* I. 8. 6; Habicht 1970, 109). Вероятно, Клитарх выполнил очень важную для птолемеевской идеологии задачу переосмысления этого именования таким образом, чтобы оно могло занять

должна была быть актуальна в связи с конституированием в первые десятилетия III в. до н.э. династического культа Птолемеев, в котором занимал свое место Александр[52]; соответственно было бы вполне логично, чтобы на этом же этапе она приобрела определенные «материальные подтверждения».

В связи с последним моментом уместно заметить, что, по мнению ряда исследователей, святилище Амона в Каср эль-Мегисба и могло быть возведено в качестве коммеморатива на предполагаемом пути Александра из оазиса Сива, после его провозглашения там сыном божества, через Ливийскую пустыню в Мемфис[53]. В античных источниках зафиксированы две версии маршрута обратного пути Александра из оазиса Сива в Мемфис. Согласно первой, в наиболее явной форме представленной в цитируемом Аррианом фрагменте Аристобула, Александр вернулся в Египет тем же путем, что и шел в оазис, т.е. вдоль морского побережья и через Дельту; согласно другой, примыкающей к этому фрагменту в цитировании Арриана и восходящей к Птолемею, Александр возвращался из оазиса «другой дорогой, на Мемфис» (Ptolemaios. FGrHist. 138. F. 9; Aristoboulos. FGrHist. 139. F. 15 = Arr. III. 4. 5: ἀνέζευξεν ἐπ᾽ Αἰγύπτου, ὡς μὲν ᾽Αριστόβουλος λέγει, τὴν αὐτὴν ὀπίσω ὁδόν, ὡς δὲ Πτολεμαῖος ὁ Λάγου, ἄλλην εὐθεῖαν ὡς ἐπὶ Μέμφιν). Первая версия косвенно согласуется с данными авторов «вульгаты», сообщающих об основании македонским царем Александрии Египетской на обратном пути из оазиса (Curt. IV. 8. 1–2; Diod. XVII. 52; Iust. XI. 11. 13); заметим, однако, что помещение основания этого города уже после эпизода в оазисе могло быть вызвано заинтересованностью авторов «вульгаты» в том, чтобы приписать это важнейшее для государства Птолемеев свершение Александра ему в качестве уже признанного сына божества[54]. Вместе с тем версия о возвращении Александра из оазиса тем же путем, каким он туда шел, кажется более правдоподобной, как говорится, по общим соображениям[55]; свидетельство Птолемея в таком случае должно быть сочтено фиктивным. В связи с этим уместно вспомнить замечание Ю. Борзы о противоречии в свидетельствах Птолемея, относящихся к посещению Александром оазиса: вопреки приведенному нами свидетельству, во фрагменте Птолемея, описывающем путь Александра в оазис, сообщается, что чудесные говорящие змеи, двигавшиеся перед войском Александра, указывали ему путь в оазис и «затем назад» (ὀπίσω αὖθις) – само последнее выражение предполагает возвращение Александра тем же путем, что он шел в оазис (Ptolemaios. FGrHist. 138. F. 8 = Arr. Anab. III. 3. 5: Πτολεμαῖος μὲν δὴ ὁ Λάγου λέγει δράκοντας δύο ἰέναι πρὸ τοῦ στρατεύματος φωνὴν ἱέντας, καὶ τούτοις ᾽Αλέξανδρον κελεῦσαι ἕπεσθαι τοὺς ἡγεμόνας πιστεύσαντας τῷ θείῳ, τοὺς δὲ ἡγήσασθαι τὴν ὁδὸν τήν τε ἐς τὸ μαντεῖον καὶ ὀπίσω αὖθις)[56]. По мнению А.Б. Босворта, разночтения между этими двумя версиями обратного пути Александра из оазиса Сива в Египет следует

определенное место в официальной для державы Птолемеев концепции их преемственности от Александра, отразившейся в их династическом культе. Впервые в контексте этой концепции эпитет «Сотер» занимает значимое место в середине 270-х годов (в именовании Птолемея I в знаменитой процессии, описание которой оставил Калликсен Родосский: FGrHist. 627. F. 2 = *Athen.* V. 196a–203e; Hazzard 2000, 65 ff.).

[52] См. общую характеристику этапов его формирования: Koenen 1993, 50–57.

[53] Aufrère, Golvin, Goyon 1994, 136, 152; Winter 2006, 207; Bosch-Puche 2008, 30.

[54] См., например: Pearson 1960, 162.

[55] Не страшась препятствий, Александр все же едва ли стремился к бессмысленному риску, с которым был бы сопряжен прямой путь от оазиса Сива через пустыню в Египет: Welles 1962, 279.

[56] Borza 1967.

объяснить ошибкой цитировавшего Птолемея Арриана: последний мог принять краткое сообщение Птолемея о том, что из оазиса Александр вернулся в Мемфис, как подразумевающее иной и более краткий, чем подробно описанный у Аристобула путь Александра в оазис, маршрут его возвращения оттуда[57]. Можно также упомянуть маловероятное предположение Н. Хэммонда, согласно которому противопоставление в цитировании Арриана версий Аристобула и Птолемея связано не с маршрутом, а с обстоятельствами обратного пути Александра – а именно с тем, что его проводниками, как и на пути в оазис, должны были стать, согласно Аристобулу, вороны, а согласно Птолемею – змеи[58]. Не следует ли, однако, заключить, что внятно прописанная у Птолемея версия о возвращении Александра прямым путем через пустыню в Мемфис была частью фикции, которую его идеологи уже начали конструировать, в то время как противоречащее ей словосочетание ὀπίσω αὖθις в описании чуда со змеями – «проговорка» о том, как обстояло дело в действительности? Заметим, что если это именно так, то в труде Птолемея начала конструироваться «египетская мифология» Александра, отличная по набору сюжетов от той, что предложил (видимо, позже) Клитарх, и затем оставшаяся «недовостребованной»; однако именно в рамках этой «мифологии», предполагавшей следование Александра из оазиса Сива в Мемфис прямым путем через пустыню, и могла возникнуть потребность в демонстрировании этого фиктивного маршрута при помощи изученного нами памятника.

Как представляется, памятник из Каср эль-Мегисба мог удовлетворять этой потребности, фиксируя актуальность для времени Александра представления о нем именно как о сыне Аммона и вписывая его царский статус в Египте в контекст того образа нового «царя Азии» – победителя и преемника Ахеменидов, – который возник после его великих побед и отложился в античной традиции. Мы не рискнем с уверенностью предположить, был ли рассмотренный нами памятник помещен в храмовый комплекс в Каср эль-Мегисба, действительно возникший во время Александра, или же и сооружение самого комплекса было плодом указанной манипуляции; во всяком случае, и последний вариант не кажется нам невозможным.

Литература

1. *Дандамаев М.А., Луконин В.Г.* 1980: Культура и экономика древнего Ирана. М.
2. *Демидчик А.Е.* 2005: Безымянная пирамида: Государственная доктрина древнеегипетской Гераклеопольской монархии. СПб.
3. *Кинжалов Р.В.* 1962: Легенда о Нектанебе в повести «Жизнь и деяния Александра Македонского» // Древний мир. Сб. ст. в честь акад. В. В. Струве. М., 537–544.
4. *Ладынин И.А.* 1999: Египетская царская титулатура Александра Великого // ВМГУ. Серия 8: История. 2, 85–97.
5. *Ладынин И.А.* 1999а: Вступление Александра Македонского в Египет в конце 332 г. до н.э. в сведениях «традиции Птолемея» // Древний Восток и античный мир: Сборник научных трудов кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Вып 2. М., 12–24.
6. *Ладынин И.А.* 2001: Прижизненный царский культ Александра Великого: К проблеме соотношения египетских и греческих компонентов // Древний Восток: Общность и своеобразие культурных традиций. Сб. ст. М., 200–225.
7. *Ладынин И.А.* 2005: Античный топос «владычества над Азией» и концепция непрерывной надрегиональной государственности на Ближнем и Среднем Востоке в I тыс. до н.э. // «Эдуба вечна и постоянна»: Материалы конференции, посвященной 90-летию со дня рождения И.М. Дьяконова. СПб., 151–160.

[57] Bosworth 1988, 274.
[58] Hammond 1983, 227.

8. *Ладынин И.А.* 2007: Строительная программа Аргеадов в Египте в контексте храмового строительства XXIX–XXX династий // Петербургские египтологические чтения–2006. Материалы научной конференции (ТГЭ, XXXV). СПб., 86–100.
9. *Ладынин И.А.* 2008: "Πάλιν ἄρχει Αἴγυπτος" (Ps.Call. C. II. 27. 3): Еще раз о египетской царской титулатуре Александра Великого // История: мир прошлого в современном освещении. Сборник научных статей к 75-летию со дня рождения проф. Э.Д. Фролова / А.Ю. Дворниченко (ред.). СПб., 245–259.
10. *Ладынин И.А.* 2009: «Соколы-Нектанебы»: Скульптурные изображения Нектанеба II перед богом Хором и их концепция // ВДИ. 4, 3–26.
11. *Ладынин И.А.* 2014: «Алтарь» из храма Амона в оазисе Бахария с египетской царской титулатурой Александра Великого. I. Надписи памятника // ВДИ. 2, 3–12.
12. *Ладынин И.А., Немировский А.А.* 2007: К вопросу о конфедеративной государственности и ее концептуальном оформлении в древнем Египте // Третья международная конференция «Иерархия и власть в истории цивилизаций». Статьи и тексты докладов. М., 56–96.
13. *Маринович Л.П.* 1982: Время Александра Македонского // Источниковедение древней Греции (эпоха эллинизма) / В.И. Кузищин (ред). М., 22–65.
14. *Маринович Л.П.* 1990: Три историка Александра // ВДИ. 1, 202–208.
15. *Abder-Razig M.* 1983: Ein Graffito der Zeit Alexanders des Grossen im Luxortempel // ASAÉ. 69, 211–218.
16. *Aufrère S., Golvin J.-Cl., Goyon J.-Cl.* 1994: L'Égypte restituée. II: Sites et temples des déserts. P.
17. *Beckerath J. von.* 1999: Handbuch der ägyptischen Königsnamen. 2. Aufl. (MÄS, 49). München.
18. *Berg B.* 1973: An Early Source of the Alexander Romance // GRBS. 14, 381–387.
19. *Berlev O.D.* 1981: The Eleventh Dynasty in the Dynastic History of Egypt // Studies presented to H.J. Polotsky / D.W. Young (ed.). Beacon Hill (Mass.), 361–377.
20. *Bernand A.* 1970: Le Delta égyptien d'après les texts grecs. 1: Les confins libyques. 1–3. Le Caire.
21. *Bernand É.* 2001: Inscriptions grécques d'Aléxandrie ptolemaique (BdÉ, 133). Le Caire.
22. *Bickel S.* 2002: Aspects et fonctions de la deification d'Amenhotep III // BIFAO. 102, 63–90.
23. *Bittel K., Hermann A.* 1934: Grabungsbericht Hermopolis 1933 // MDAIK. 5, 11–44.
24. *Blöbaum A.I.* 2006: «Denn ich bin ein König, der Maat liebt»: Herrscherlegitimation im spätzeitlichen Ägypten (Aegyptiaca Monasteriensia, 4). Aachen.
25. *Blumenthal E.* 1970: Untersuchungen zum ägyptischen Königtum des Mittleren Reichs. I: Die Phraseologie. B.
26. *Borza Eu.* 1967: Alexander and the Return from Siwah // Historia. 16, 369.
27. *Bosch-Puche F.* 2008: L'«autel» du temple d'Alexandre le Grand à Bahariya retrouvé // BIFAO. 108, 29–44 (ill.).
28. *Bosch-Puche F.* 2013: The Egyptian Royal Titulary of Alexander the Great, I: Horus, Two Ladies, Golden Horus and Throne Names // JEA. 99, 131–154.
29. *Bosworth A.B.* 1988: Conquest and Empire: The Reign of Alexander the Great. Cambr., 1988.
30. *Brashear W.* 1988: Die griechischen Graffiti vom Ǧabal at-Taktūr // Kuhlmann K. Das Ammoneion (Archäologische Veröffentlichungen, 75). Mainz, 85–87.
31. *Brunner H.* 1937 Die Texte aus den Gräbern der herakleopolitenzeit von Siutmit Übersetzung und Erläuterungen (ÄF, 5). Glückstadt–Hamburg–New York.
32. *Chauveau M.*, *Thiers Chr.* 2006: L'Égypte en transition: des Perses aux Macédoniens // La transition entre l'empire achéménide et les royaumes hellénistiques. P. Briant, F. Joannès (eds.). (Persika, 9) P., 375–404.
33. *Davies N. de G.* 1953: The Temple of Hibis in El-Khargeh Oasis. III: The Decoration (PMMA. Egyptian Expedition, 7). N.Y.
34. *Fakhry A.* 1950: The Egyptian Deserts: Baḥria Oasis. II. Cairo.
35. *Frye R.N.* 1964: The Charisma of Kingship in Ancient Iran // Iranica Antiqua. 4. 1964, 36–54.
36. *Goedicke H.* 1985: Comments on the Satrap Stela // BES. 6, 33–54.
37. *Gorre G.* 2009: Les relations du clergé égyptien et des Lagides d'après les sources privèes. (Studia Hellenistica, 45). Leuven.
38. *Goyon G.* 1957: Nouvelles inscriptions rupestres du Wadi Hammamat. P.
39. *Grimal N.-Chr.* 1986: Les termes de la propágande royale égyptienne de la XIX dynastieà la conquête d'Alexandre (Études sur la propagande royale égyptienne, 4 = Mémoires de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. Nouvelle Série, 6). P.
40. *Guarducci M.* 1967: Epigrafia greca. I: Caratteri e storia della disciplina. La scrittura greca dalle origini all'età imperiale. Roma.
41. *Guermeur I.* 2005: Les cultes d'Amon hors de Thèbes: recherches de géographie religieuse (Bibliothèque de l'École des hautes études, sciences religieuses, 123). Turnhout.

42. *Habashi L.* 1969: Features of the Deification of Ramesses II (Abhandlungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Abt. Kairo, 5). Glückstadt.
43. *Habicht Ch.* 1970: Gottmenschtum und griechische Städte. B.
44. *Hammond N.G.L.* 1983: Three Historians of Alexander the Great: The So-Called Vulgate Authors, Diodorus, Justin and Curtius. Cambr.
45. *Hazzard R.A.* 2000: Imagination of a Monarchy: Studies in Ptolemaic Propaganda. Toronto–Buffalo–London.
46. *Helck W.*1980: Meer // LÄ. III, 1278–1279.
47. *Hirzbauer M.* 2011: Der Oasentempel von Qasr el-Mağizba als ein Beispiel für die Legitimation Alexanders des Großen // GM. 230, 49–52.
48. *Jansen-Winkeln K.* 2001: Biographische und religiöse Inschriften der Spätzeit aus dem Ägyptischen Museum Kairo. 1: Übersetzungen und Kommentare. (Ägypten und Altes Testament, 45). Wiesbaden.
49. *Jansen-Winkeln K.* 2013: Eine Bau- und Bittinschrift am Tempel von Luxor // ZÄS. 2013. Bd 140. S. 1–20, Taf. I–VIII.
50. *Jasnow R.* 1997: The Greek Alexander Romance and Demotic Egyptian Literature // JNES. 56. P. 95–103.
51. *Kienast B.* 1979: Zur Herkunft der achamenidischen Konigstitulatur // Die islamische Welt zwischen Mittelalter und Neuzeit. Festschrift für Hans Robert Roemer zum 65. Geburtstag / U. Haarmann, P. Bachmann (eds.). Beirut, 351–364.
52. *Klotz D.* 2008: Darius with the Letter *ḫ* // CdÉ. 83, 109–115.
53. *Koenen L.* 1977: Eine agonistische Inschrift aus Ägypten und frühptolemäische Königsfeste (Beiträge zur klassischen Philologie, 56). Meisenheim am Glan.
54. *Koenen L.* 1993: The Ptolemaic King as a Religious Figure // Images and Ideologies: Self-Definition in the Hellenistic World / A.W. Bulloch, E.S. Gruen, A.A. Long, A. Stewart (eds.) (Hellenistic Culture and Society 12). Berkeley–Los Angeles–London, 81–113.
55. *Le Saout Fr.* 1982: À propos d'un colosse de Ramsès II à Karnak // Cahiers de Karnak. 7, 267–274.
56. *Lorton D.* 1974: The Juridical Terminology of International Relations in Egyptian Texts through Dynasty XVIII (The Johns Hopkins Near Eastern Studies). Baltimore–London.
57. *McLean B.H.* 2002: An Introduction to Greek Epigraphy of the Hellenistic and Roman Periods from Alexander the Great Down to the Reign of Constantine (323 B.C. – A.D. 337). Ann Arbor.
58. *Montet P.* 1941: Le drame d'Avaris: Essai sur le penetration de Sémites en Égypte. P.
59. *Pearson L.* 1960: The Lost Histories of Alexander the Great. N.Y.
60. *Perrot J.* (ed.) 2010: Le palais de Darius à Suse: une residence royale sur la route de Pérsepolis à Babylon. P.
61. *Pestman P.W.*1967: Chronologie égyptienne d'après les textes démotiques (332 av. J.-C. – 453 ap. J.-C.) (Papyrologia Lugduno-Batava, 15). Leiden.
62. *Petrie W.M.F.* 1896: Koptos. L.
63. *Posener G.* 1936: La première domination perse en Égypte (BdÉ, 11). Le Caire.
64. *Redford D.B.* 1977: Rev. *Lorton D.* The Juridical Terminology of International Relations in Egyptian Texts through Dynasty XVIII (The Johns Hopkins Near Eastern Studies). Baltimore–London, 1974 // JEA. 63, 183–184.
65. *Roaf M.* 1974: The subject peoples on the base of the statue of Darius // CDAFI. 4, 73–160.
66. *Schmitt R.* [2012]: Achaemenid Dynasty // Encyclopedia Iranica, Online Edition. Last Updated: July 21, 2011; http://www.iranicaonline.org/articles/achaemenid-dynasty.
67. *Schwartz J.* 1949: Les conquêrants perses et la littérature égyptienne // BIFAO. 48, 65–80.
68. *Seibert J.* 1985: Die Eroberung des Perserreiches durch Alexander der Großen auf kartographischer Grundlage. (Beihefte zum Tübinger Atlas des Vorderen Orients. Reihe B: Geisteswissenschaften. Nr. 68). Wiesbaden.
69. *Tarn W.W.* 1948: Alexander's Deification // *Tarn W.W.* Alexander the Great. 2. Cambr., 347–358.
70. *Vandersleyen Cl.* 2008: Le delta et la vallée du Nil (Connaissance de l'Égypte ancienne, 10). Bruxelles.
71. *Wagner G.*, *Rondot V.* 1994: Une dédicace au roi Ptolemée de la part d'un Aléxandrin // ZPE. 103, 205–252.
72. *Welles Ch.B.* 1962: The Discovery of Sarapisand the Foundation of Alexandria // Historia. 11, 271–298.
73. *Winter E.* 2006: Alexander der Grosse als Pharao in ägyptischen Tempeln // Ägypten – Griechenland – Rom: Abwehr und Berührung. Städeliches Kunstinstitut und Städtliche Galerie 26. November 2005 – 26.Februar 2006 / H. Beck, P.C. Bol, M. Bückling (Hrsgg.). Frankfurt-am-Main, 204–215.
74. *Woodhead A.G.* 1981: The Study of Greek Inscriptions (Oclahoma Series in Classical Culture, 16). Norman (Oklahoma)–London, 1992.
75. *Yoyotte J.* 1974: Les inscriptions de Darius découvertes à Suse // CDAFI. 4, 181–183.
76. *Zambrini A.* 2007: The Historians of Alexander the Great // A Companion to Greek and Roman Historiography / J. Marincola (ed.). I. Malden–Oxford–Carlton, 210–220.

THE ALTAR FROM THE TEMPLE OF AMUN AT THE BAHARIYA OASIS WITH THE EGYPTIAN ROYAL NAMES OF ALEXANDER THE GREAT. II. INTERPRETATION AND DATING

I. A. Ladynin

This is the second part of the study devoted to an object that bears the hieroglyphic inscription with the unique Pharaonic titulature of Alexander the Great containing all the five traditional names. Alexander's names on the artifact are different from those found on his Egyptian monuments (the latter showing not more than three of them), their major theme being his world dominance. Especially significant is the Horus' name *ḥqꜣ ḥqꜣw nw tꜣ* (*r*) *ḏr.f* («Lord of lords of the earth (to) its limits») indicating, as it seems, his succession to the Achaememids (cf. their traditional title «King of kings»). The author argues that there are no indisputable reasons to date the artifact to the reign of Alexander (F. Bosch-Puche's arguments founded on the paleography of the Greek inscription on the artifact are weak); rather, it was erected under the early Ptolemies in order to show their succession to Alexander and to highlight his «Egyptian mythology» shaped around the famous episode in the Siwa Oasis.

Keywords: Alexander the Great, Bahariya, royal names, continuity, Achaemenians, world power, Ptolemies, ideology.

© 2014 г.

В. П. Завьялова

ДВА ПРОРОЧЕСТВА КАССАНДРЫ

На примере анализа двух пророчеств Кассандры из поэмы Ликофрона «Александра» автор показывает, что поэму невозможно понять и оценить вне эстетических принципов эллинистической поэзии. Для александрийских поэтов главную роль играет не сам сюжет или мотив, а скорее поэтическая деталь, мифологическая подробность. Пророчества Кассандры в поэме могут быть пространными и подробными (например, о послевоенной судьбе Одиссея) или краткими (например, об основании Кирены) – разница будет лишь в количестве подробностей на фоне широчайшего охвата мифологической традиции, без знания и понимания которых текст Ликофрона – настоящий поэтический ребус.

Ключевые слова: Ликофрон, поэма «Александра», Каллимах, Аполлоний Родосский, александринизм, поэтическое иносказание, мифологические варианты и вариации.

Знаменитейший александрийский грамматик и поэт, автор многих произведений в разных жанрах Ликофрон Халкидский в Новое время более известен как создатель самой загадочной и темной во всей античной литературе поэмы «Александра». Уже в древности его поэма, полная неясных намеков, мифологических аллюзий и иносказаний, считалась одним из самых трудных для понимания произведений и требовала многих пояснений и комментариев. Как писал А.Ф. Лосев[1],

Завьялова Валентина Петровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

[1] Лосев 1957, 470.